
Л. В. ТУМАРКИНА

**КРАСОТА СПАСЕТ ЛИ МИР?
ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ
ПРЕКРАСНОГО В ЭТИКЕ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО И Н. Ф. ФЕДОРОВА
(К 150-летию выхода в свет романа
Ф. М. Достоевского «Идиот»)**

В статье исследуются статус и этическое значение феномена красоты в философии Федора Михайловича Достоевского и Николая Федоровича Федорова. Соотносится идея Ф. М. Достоевского о спасении мира красотой с этикой и эстетикой проектов «философии общего дела» Н. Ф. Федорова. Рассматривается практическая значимость прекрасного в условиях эволюционирующего мира (глобального эволюционизма) и современной техногенной культуры, где пренебрежение константами человеческой природы ставит под вопрос перспективы человека как родового существа. В основу статьи положены работы русских, российских и зарубежных авторов. При написании статьи использованы следующие методы: аналитический, компаративный, синтетический и, при анализе творчества Н. Ф. Федорова, прогностический.

Новизна исследования заключается в том, что в идее о продолжении миротворения человеком после сотворения мира Богом акцент с приоритета разума, то есть рационального подхода к мироустройству, который подарил сегодня миру техногенную культуру и вместе с ней киборга и постчеловека, смещен в сторону приоритета духовной составляющей человечества, то есть в сторону красоты духовной и вместе с ней – физической. Обращено внимание на общую ошибку – отдавать пальму первенства красоте духовной, тогда как для успешного преобразования эволюционирующего мира (активная эволюция) необходима красота не половинчатая, но истинная, полная, равно и неразрывно соединяющая в человеке прекрасную физическую форму и высоту духовного содержания, в идеале (по проекту Н. Ф. Федорова) – красота физически неувядаемая, бессмертная.

Ключевые слова: красота, преображение, Христос и Троица, Достоевский и Федоров, русский космизм, эволюция, техногенная цивилизация, гуманотехнологии, постчеловек, цифровое бессмертие.

The article examines the status and ethical significance of the phenomenon of beauty in the philosophy of Fyodor Mikhailovich Dostoevsky and Nikolai Fyodorovich Fedorov. The author correlates the idea of Fyodor Dostoevsky about saving the world by beauty with the ethics and aesthetics of the projects of the 'philosophy of the common cause' by Nikolai Fedorov. The practical significance of the beautiful in the conditions of the evolving world ('global evolutionism') and modern technological culture is considered, where the neglect of the constants of human nature calls into question the prospects of human as a generic being. The article is based on the works of Russian and foreign authors. When writing the article, the following methods were used: analytical, comparative, synthetic, along with the prognostic method for the analysis of Fedorov's legacy.

The novelty of the study consists in the idea of a continued creation of the world by humans after the Creation which emphasizes not the priority of mind, that is, a rational approach to the world order, which gave the world the current technogenic culture and also a cyborg and a post-human but the priority of the spiritual component of humanity, that is, the spiritual beauty and together with it – the physical beauty. The attention is drawn to a common mistake when 'palm of primacy' is given to the spiritual beauty, whereas for a successful transformation of the evolving world (an active evolution) the beauty is needed not partial, but genuine and complete, equally and inextricably connecting in a human the beautiful physical shape and a high spiritual content, ideally the beauty is physically unfading, immortal (according to the project of Nikolay Fedorov).

Keywords: *beauty, transformation, Christ and the Trinity, Dostoevsky and Fedorov, Russian cosmism, evolution, man-made civilization, human technology, posthuman, digital immortality.*

Введение

Имея в виду философскую теорию красоты, следует понимать, что всякая такая теория, объясняя свой предмет в настоящем, должна открывать для него широкие горизонты будущего.

В. С. Соловьев [2018: 5]

Основные подходы к понятию «красота» были заложены философией Платона, где предмет и явление мыслились прекрасными, если они соответствовали божественной идее в своем воплощении. Согласно «Федону» Платона, человек, «видя земную красоту, вспоминает красоту истинную, божественную» [Платон 2007: 11]. Стремление к красоте, будь она природно-ландшафтной, челове-

ской или вселенской, констатируется как возвышенная, окрыляющая любовь. В «Федре» Платон пишет: «...когда кто-нибудь смотрит на здешнюю красоту, припоминая при этом красоту истинную, он окрыляется, а окрылившись, стремится взлететь...» [Платон 2007: 190].

В традиции средневековой культуры красота есть «Божественный луч», пронизывающий все причастное к Богу мирозданию. Красота – это сияние «Божественного лика» в божественном творении (Марсилио Фичино).

Чистая красота, по И. Канту, – явление, значение и польза которого нам неизвестны. Качественный признак прекрасного состоит в том, что оно нравится, дает наслаждение, не вызывая утилитарного интереса [Кант 1994: 22]. Д. Юм отрицает объективное существование красоты, считая ее проявлением субъективного восприятия и суждения об объекте [Юм 1996: 349]. Спор об объективном и субъективном в прекрасном, о его природном и общественном происхождении продолжается до сих пор. Красоту, вероятнее всего, можно считать ценностью, в которой выражено объективное эстетическое явление, преломленное в субъективной оценке через призму вкусов и идеалов людей.

Но когда мы говорим *о спасении мира красотой*, здесь, на мой взгляд, важно определить не столько источники, сколько смысл и этическое значение красоты. До тех пор, пока наш мир двойственен (тьма – свет, зло – добро, ложь – истина), двойственны и цели использования красоты как инструмента, равно работающего на Добро и Зло. Ф. М. Достоевский в «Братьях Карамазовых» писал: «Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут Дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» [Достоевский 1991: 123].

1. Прекрасное в философии Достоевского

Сама жизнь устроила для Достоевского эксперимент, из которого выросла его философия.

К. В. Мочульский [1995: 310]

Нравственные искания Федора Михайловича Достоевского были неотделимы от его религиозных переживаний, от вопроса о су-

ществовании Бога, которым он, по его собственному признанию, «мучился всю жизнь».

Наиболее трудными и мучительными эти переживания были в сибирский период. После встречи с женой декабриста Н. Д. Фонвизиной, подарившей ему Евангелие, Достоевский писал ей: «Я скажу Вам про себя, что я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страстных мучений стоило и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, Бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими люблю. И в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. *Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но и с ревнивою любовью говорю тебе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, то мне лучше хотелось бы оставаться с Христом, нежели с истиной*» (Письмо Н. Д. Фонвизиной, конец января – 20 февраля 1854 г., Омск; курсив мой. – Л. Т.) [Достоевский 1996: 96].

Достоевский предпочел остаться с Христом как с идеалом прекрасного человека. В этом выборе – ответ о смысле земной жизни, ответ, ставший духовной опорой писателя. Именно Христос явился смысловым центром эстетики и этики Достоевского. В нем в равной мере воплощена красота внешняя, телесная, и красота внутренняя, духовная, но первая по общепринятым традициям затмевается светом красоты внутренней, светом богочеловеческой красоты.

Однако красота *богочеловеческая* есть не только божественная, духовная, невидимая, но и человеческая – физическая, очевидная, «окрывающая душу» и преображающая мир не менее красоты духовной. Здесь во имя «ложной нравственности» красота внешняя, над которой равно трудились Бог и Природа, обычно оттесняется на второй план, ставится после красоты духовной или игнорируется вовсе как соблазн грехопадения, и значит, отдается на волю и усмотрение стихии Хаоса. Это одна из причин, по которой Дьявол выигрывает битву с Богом за души человеческие.

Суть спасения красотой – в целостном единстве равно прекрасных формы и содержания, направленных на миропреобразование с верой в человека при условии его готовности к этому преобразению.

Федор Михайлович (вероятно, сознательно) нарушает это единство. Так, Настасья Филипповна – красота идеальная, прекрасна физически и духовно. Она приведена в мир нравственно несовершенный и поставлена Достоевским перед выбором между Светом и Тьмой. Князь Мышкин многими исследователями творчества Достоевского ассоциирован с образом Христа (Свет). Парфён Рогожин – воплощение необузданных сил Хаоса. По аналогии с сюжетом Евангелия, на Земле снова произошла встреча Иисуса с Марией Магдалиной (Настасья Филипповна). Но если Мария выбрала Христа и в горячем покаянии спасла свою красоту духовную и физическую, удостоилась стать равноапостольной и нести красоту в мир, то в сердце оскорбленной и отверженной Настасьи Филипповны воцарились презрение и гордость. Князь Мышкин, разглядывая ее портрет, говорит: «Это гордое лицо, ужасно гордое...» [Достоевский 1989: 38]. Прекрасной осталась только форма. Одна только форма, без любви к миру, спасти его не способна. Настасья Филипповна выбирает Тьму и гибнет.

Вторая половина истинной красоты – князь Лев Николаевич Мышкин. Форма не блестящая, не красавец. Продолжительно болен, четыре с лишним года лечился в Швейцарии, остался больным, по его словам – неспособным к любви чувственной, но богат красотой духовной. Ее содержание: сопереживание всему живому, кротость, способность видеть «образ Божий» в людях падших, постоянная готовность к покаянию. Все эти качества и особенно бурное, открытое их проявление воспринимаются меркантильным обществом как идиотизм. Уже в этом восприятии князя заложен его неуспех, его отвержение обществом как существа если и порядочного, то неадекватного. Духовная красота Мышкина в той форме, как она была подана социуму, не стала предметом спасения, но – предметом насмешек и осмеяния. В сюжете, где князь Мышкин и Парфён Рогожин находятся рядом с трупом Настасьи Филипповны, Достоевский показывает нам князя как человека, окончательно потерявшего рассудок. Классик пишет: «И если бы сам Шнейдер

явился теперь из Швейцарии взглянуть на своего бывшего ученика и пациента, то... махнул бы теперь рукой и сказал... “Идиот!”» [Достоевский 1989: 612].

Мир не спасен ни идеальной красотой духа и тела Христа – поскольку приход Его 2018 лет назад *не был всецело востребован*, мир не спасен ни красотой человеческой.

Есть ли выход на устранение всего земного негатива красотой? Возможно ли спасение человечества красотой в масштабах Земли? Возможно ли оно в масштабах Космоса?

Здесь слово за русским космизмом.

2. Русский космизм. «Мир дан не на поглядение...»

Эти три свойства Бога и человека – благо, истина и красота – неделимы...

Н. Ф. Федоров [1995: 453]

Космизм как философское направление зарождается в Европе в середине XIX в. Его родоначальниками традиционно принято считать французских философов Пьера Тейяра де Шардена [Teilhard de Chardin 1963] и Эдуарда Леруа [Le Roy 1927]. В это же время и в России оформляется оригинальная космическая философия – русский космизм, основателем которого стал Николай Федорович Федоров.

Основная идея русского космизма – *спасение мира* устранением всех негативных явлений в социуме, природе и – наиважнейшее – в человеке, через его физическое и нравственное преображение, его активное, благотворное вмешательство в эволюционные процессы Земли и Космоса, вплоть до «упразднения смерти» как явления противоестественного и восстановления жизни ушедших поколений.

Федоров пишет: «...самое общее, общее для всех зло или, точнее, злодеяние, есть смерть, а потому самое высшее дело или благо есть воскресение» [Федоров 1995, т. 1: 179].

Воскресительный проект Федорова питался прежде всего христианской эсхатологической традицией, исходящей из учения святителя Григория Нисского (род. в 335 г.). В его работе «О душе и воскресении. Диалог с сестрой Макриной» читаем: «...тело, будучи

сложным, конечно, разлагается на то, из чего составлено... Но... когда разлагается сложное, не подвергается опасности разложиться вместе со сложным – несложное» [Свт. Григорий Нисский]. И «...естество стихий... возвращает однородное, ибо с теплым опять соединяется, что есть теплого в нас... и с каждым произойдет переход к однородному... Душа (же) пребывает в тех стихиях, в которых и начала быть однажды» [Там же].

То есть процесс воскрешения может мыслиться как воссоединение родственных частиц, когда-то пребывавших в определенном теле. Интересно, что эсхатологическая индивидуальность всех частиц человеческого тела подвергалась современным научным исследованиям. Оказалось, что как каждый орган, так и каждая клеточка нашего тела, несмотря на непрерывный процесс обновления, происходящий в ней, абсолютно уникальна, как бы скреплена собственной генетической печатью и несовместима с аналогичными частицами другого человеческого организма. Более того, каждая клетка несет в себе свою наследственную информацию о целом организме, на чем сегодня основана практика клонирования, создания генетических двойников по одной клетке.

В этой связи можно сравнить представления Н. Ф. Федорова о технологии воскрешения с идеей Григория Нисского о сохранении «несложных частиц» уже разложившегося тела. Федоров: «Для воскрешения недостаточно одного изучения молекулярного строения (“несложных”. – Л. Т.) частиц (праха усопших. – Л. Т.), но так как они рассеяны в пространстве солнечной системы... их нужно еще и собрать» [Федоров 2008: 426]. «Собрание частиц есть вопрос космо-теллурической науки и искусства» [Там же: 423]. «Трудно исследование первых двух-трех частиц, но затем работа становится доступною для многих и, наконец, для всех людей, освобожденных от торгово-промышленной суеты... Хотя первый воскрешенный будет, по всей вероятности, воскрешен почти тотчас же после смерти... за ним последуют те, которые менее отдались тлению, но каждый новый опыт в этом деле будет облегчать дальнейшие шаги. С каждым новым воскрешенным знание будет расти... и тогда... род человеческий дойдет и до первого умершего» [Там же: 425].

Какое отношение этот процесс может иметь к красоте? Дело в том, что в спасении и восстановлении человеческих жизней заключено спасение и восстановление физической и духовной красоты ушедших поколений, их способностей и потенциала к преображению мира в Красоту Непреходящую.

Но для христианских эсхатологов, хотя они и прибегают как бы к «естественным», «научным» объяснениям воскрешения умерших, воссоединение всех частиц в воскрешенном теле есть *акт исключительно силы и воли Божией*, а ей наше ограниченное понимание возможного и невозможного не может ставить свои пределы. Только само явление реального воскрешения развеет все противоречия этой идеи. Поэтому принцип деятельного (делового) доказательства проекта бессмертия и воскрешения стал главным в учении Федорова: «...человек есть существо действующее, а не мыслящее только. Мир дан не на поглядение...» [Федоров 2008: 431]. «Воскрешение, принятое как критерий, не имеет нужды в споре...». Известно также, что христианские эсхатологи отодвигали реализацию воскрешения в далекое будущее, в миры запредельные. Федоров ставил эту задачу уже перед современным ему поколением «сынов человеческих», с полным и качественным ее осуществлением в перспективе, на нашей Земле. Такая постановка не совпадала с учением официальной церкви, идеи Федорова не приняты православным христианством.

Начало «общего дела» по Федорову – подвергнуть явление смерти всеобщему, всестороннему и исчерпывающему исследованию: «...смерть и доселе не сделалась предметом знания и основательного суждения, которые расследовались бы в точности и полноте, какими причинами и условиями вызвано это явление» [Там же: 687]. Это заявление справедливо и для нашего времени. И далее: «Смерть есть свойство, состояние, обусловленное причинами, но не качество, без коего человек перестает быть...» [Там же: 372]. Слепая сила, в зависимости от которой находится разумное существо, сама может быть управляема разумом» [Там же: 688]. «Поэтому требование превращения слепой смертоносной силы в силу разумную и живоносную, исполнение этого требования и составляет дело человеческого рода» [Там же: 106].

Н. Ф. Федоров называет несколько условий для «упразднения смерти». Основные из них – два.

1. **Знание:** «...естественная наука... медицина... должны перейти к уничтожению болезненности вообще, *быть может*, оживлению, и не будет ли это первым шагом по пути к воскрешению?» [Федоров 2008: 373–374]. Здесь же закладывается идея сохранения красоты физической, продления жизни, уход от старческого увядания.

2. **Непорочность:** что касается естественных наук, то Н. Ф. Федоров оставляет за собой сомнение – «*может быть*». Но у него нет сомнений в необходимости стяжания красоты духовной (непорочности), при которой только и можно стать «сыном человеческим». Федоров пишет: «...тот, кто первый по чувству любви... не оставлял своих родителей... этот-то человек и был... первым сыном человеческим, положившим начало человеческому обществу... Эта первая нравственная единица...» [Там же: 99]. И далее: «...сыны человеческие должны постоянно иметь перед очами Сына Божия... [потому как] в учении о Троицином Боге дан нам не только образец совершенного общества, но и в нем же начертан самый путь к осуществлению этого общества. Чем мы должны быть в нашей родовой совокупности, в чем наше общее дело, наш долг» [Там же: 104–105].

Творчество Н. Ф. Федорова, безусловно, относится к *религиозной ветви* русского космизма. У этой ветви своя традиция мысли, связанная с христианской антропологией, которая особенно ярко выразилась в учении о божественных энергиях Святой Троицы святителя Григория Паламы (1296–1359 гг.), византийского богослова и церковного деятеля. Не только Бог, учил Григорий Палама, будучи по своей сущности непостижимой реальностью, нисходит своими энергиями и своим промыслом в мир для спасения человека, но и человек, неся в себе образ и подобие Божие, может в вознесении над собственной тварной природой уже сейчас, на Земле, стяжать «нетварный свет» Бога и стать орудием божественной воли. В сотворчестве с Богом человек может преодолевать любые земные негативы, включая смерть. Святитель Григорий Палама отмечает: «Отвергнув земные и плотские заботы, станем на нашей Земле, каждый создав свою личную Святую Землю, достигнув сего

путем добродетели и тяготения к Богу, чтобы нам возыметь дерзновение, когда Бог приидет к нам во Свете и, притекши к Нему, воссиять и вечно пребывать с Ним, озаренными во славу Трисолнечного и Единственного Сияния ныне и присно и во веки веков» [Свт. Григорий Палама 1993: 289]. Эту же мысль выражает знаменитый афоризм выдающегося богослова и мыслителя IV в. Василия Великого (330–379 гг.): «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом».

Таким образом, *спасение мира* от любого негатива, любых вариантов земного зла, включая физическую смерть, *возможно и необходимо*. Более того, учит Николай Федорович Федоров, это главный наш долг, долг «сынов человеческих», вооруженных не только знаниями, но «по образу Сына Божия» «сиянием» красоты духовной и физической. Идея Федорова о физическом бессмертии человека как раз и полагает единство красоты его плоти и души, дабы усилия Бога по сотворению физического тела, наделенного светом разума и чувства, не были напрасны, но стали орудием его доброй воли и промысла. Эту же идею отстаивает в споре с Варлаамом святитель Григорий Палама: человеческая плоть – тварная. Но во Христе Человек и Божество соединились. Причащаясь Тела Христова и направляя все свое естество к Богу, энергии человека становятся «сонаправленными» энергиям Бога так же, как и во Христе. Совместное действие энергий Бога и Человека в деле спасения получило в богословии Григория Паламы греческий термин *синергия*.

Соответственно, человек становится соучастником всей полноты Божественной жизни не только духовно, но и физически, где духовное и физическое, развитые до совершенства, в своем единстве являют Красоту Истинную, то есть цельную и исключительно благотворную, которая только и способна спасти и преобразить мир.

Федор Михайлович Достоевский знакомится с идеями и проектом Н. Ф. Федорова в 1878 г. в изложении его идей учеником и последователем Федорова – Николаем Павловичем Петерсоном. В письме к Петерсону от 24 марта 1878 г. (Петербург) Достоевский пишет: «Первым делом вопрос: кто этот мыслитель, мысли которого Вы передали? Если можете, то сообщите его настоящее имя

(о Федорове. – Л. Т.). Он слишком заинтересовал меня. По крайней мере, сообщите хоть что-нибудь о нем подробнее как о лице... Затем скажу, что в сущности совершенно согласен с этими мыслями (идеями Федорова. – Л. Т.). Их я прочел как бы за свои» [Достоевский 1996: 95].

По сути Н. Ф. Федоров глубоко и широко масштабно обосновывает тезис Достоевского: *мир спасется красотой*.

Изначально – красотой самого человека: «Непорочность физическая и нравственная – неперемненное условие бессмертия» [Федоров 1995, т. 2: 200].

Затем – красотой человеческих взаимоотношений, основанных на братстве и любви: «Люди потому и смертны, что нет между ними... любви. Могучая сила любви способна исцелять, оживлять, утишать бури...» [Там же, т. 1: 97, 98].

Высший статус красоты взаимоотношений Н. Ф. Федоров усматривает в Живоначальной Троице как эталоне, к которому призвано стремиться человечество. «Общество по образцу Троицы не нуждается во внешнем принуждении, это глубочайший союз личностей; держится он... душевною силою...» [Там же: 238]. «В Троице нет причин смерти и заключаются все условия бессмертия» [Там же: 90].

Федоровскую идею преодоления смерти как устранения безобразия в природе и утверждения в ней красоты и радости жизни искренне разделяет Ф. М. Достоевский: «Идея о бессмертии – это сама жизнь, живая жизнь, ее окончательная формула и главный источник истины и правильного сознания для человечества» [Достоевский 1994: 391].

Красоту и нравственный критерий человеческих деяний Федоров распространил не только на взаимоотношения в социуме, но и на отношения человека к миру в русле античной традиции превращения Хаоса в Космос.

Космос (греч. *κόσμος, kosma*) – организованный мир, украшение, красота. Значит, мы должны признать, что Николай Федорович Федоров как *основатель русского космизма* есть автор идеи преобразования мира красотой человеческой для красоты вселенской. Потому воскрешение ушедших поколений поставит задачу заселения Космоса людьми, но уже в статусе *высокодуховных пре-*

красных существ, будет обеспечена гармония и *красота Вселенной*. Природа, по мнению Федорова, станет единой космохозяйственной системой. Человек, выйдя за земные пределы, объединит все миры Вселенной в братский союз, то есть реализует идею Бога о красоте человеколюбия по идеалу святой Троицы: «да любите друг друга».

Проект, как видим, близок к фантастике. Предвидя такое восприятие своих идей, Н. Ф. Федоров пишет: «Фантастичность предполагаемой возможности только кажущаяся, реальность такого перехода несомненна для трезвого, прямого взгляда на предмет, для тех, кто захочет принять во внимание все трудности к созданию общества вполне нравственного, к исправлению всех общественных пороков и зол, ибо, отказавшись от обладания небесным пространством, мы должны будем отказаться от разрешения экономического вопроса... и вообще от нравственного существования человечества» [Достоевский 1994: 368].

Безусловно, нашему современнику предложенный русским мыслителем путь такого *Спасения Мира Красотой* кажется весьма утопичным. Но идея Федорова поднять стихийное развитие природы на уровень управляемой эволюции через успехи в науке и духовное единство с Творцом, тем самым утвердить красоту и гармонию мироздания, сегодня представляется плодотворной и требует глубокого осмысления с учетом современных реалий.

3. «Общее дело» цифровых технологий

Для техногенной цивилизации изменение и прогресс становятся самоценностью.

В. С. Степин [2018: 8]

«Преображение материи», нацеленное на грядущее достижение идеального состояния человечества, у Федорова можно проследить в развернутом всеохватывающем масштабе, *где красотой человека преобразенного полнятся и преобразаются миры – земной и космический*.

Но сегодня этическая и эстетическая стороны жизни сами нуждаются в защите. Не только в плане санитарно-экологическом, но

еще более – в санации духовной. Через сохранение и утверждение в человеке чувства, которое Достоевский прекрасно выразил восклицанием Ивана Карамазова: «Клейкие весенние листочки, голубое небо люблю я, вот что! Тут не ум, не логика, тут нутром... первые свои молодые силы любишь...» [Достоевский 1991: 259]. И Алеша подтверждает: «Я думаю, что все должны прежде всего на свете жизнь полюбить» [Там же].

Сегодня в системе главных жизненных смыслов техногенной цивилизации лидирующее место занимают ценности, инновации и технологии, которые призваны обеспечить комфортное физическое существование человека. Красота, продолжительность жизни и далее – бессмертие *Homo sapiens* по-прежнему занимают приоритетное место. Здесь наша техногенная культура вместо преобразования духовного и за ним физического предложила человечеству скорый путь реализации его мечты через так называемые «гуманотехнологии», которые ставят под вопрос не только духовную составляющую, но и само существование человека. Сегодня уже реализуются генетическое программирование, вмешательство в функции молекул ДНК, клонирование, трансгенез, крионика и др. Особое внимание уделяется взаимодействию человеческого мозга и компьютерных сетей, рассматривается возможность переноса личности на компьютерный носитель для так называемого «цифрового бессмертия», которое определяется как технология, сохраняющая личность человека на долговечных носителях информации путем создания одной или множества копий его мозга, без «биологической оболочки».

Разработка конвергентных технологий открывает перспективы продления человеческой жизни, но здесь же создаются возможности кардинальных изменений биологической природы человека. Посредством генетических изменений и внедрения в мозг особых чипов можно повысить сенсорные и другие способности человека. «Современный рынок в принципе готов принять эти технологии совершенствования человека как очередное ноу-хау, способное приносить огромные прибыли, как приносят их любые технологические инновации...» [Степин 2018: 20].

Интуитивно предвидя подобные процессы, Н. Ф. Федоров говорит: «...превращение человека в машину (в чем для фатального, слепого прогресса и заключается идеал) должно признать злом, и даже самым величайшим» [Федоров 1995: 58]. Пренебрежение к осознанию своей человеческой сущности и ее космопланетарному смыслу может привести к вырождению самой природы человека.

Научная методология показывает, что человек как антропологическая целостность не может полагаться в качестве объекта сугубо рационального, технического исследования, преобразования, управления им и тем более создания. Человек существует как постоянное творческое стремление преодоления своего несовершенного бытия, как «незавершенная возможность» (М. К. Мамардашвили). Потому он невоспроизводим в абсолютном смысле с помощью технологического инструментария и, следовательно, объекты, которые могут возникнуть в результате гуманитарных технологий, не будут представлять собой ни человека, ни постчеловека.

Сохранение фундаментальных антропологических констант предполагает не только повышение ответственности ученых и конкретных специалистов в области генного и информационного программирования, так называемых «людей будущего», но и развитие международно-правовой системы запретов на конкретные технологии по аналогии с запретами на испытания ядерного, биологического и химического оружия, которые сыграли свою позитивную роль в судьбе человечества.

Заключение

Творение мира, пока в нем есть место для негатива, продолжается! Начатое Богом и Природой, оно продолжается человеком. Как полагает Н. Ф. Федоров, «в нашей жизни... есть возможность и способность сделаться орудием божественного плана» [Федоров 1995, т. 1: 200] для успешного развития всех природных и социальных процессов в позитивном русле.

Идеал ускоряющегося прогресса в наше время модифицирован в идеал *устойчивого развития*, когда приоритет в продвижении получают инновации, которые не просто взламывают и уничтожают традицию – бесценный опыт прошлых поколений (пример –

идеи святителей раннего христианства), но те из них, которые, адаптируясь к этому опыту, избирательно и постепенно реализуют новое, соблюдая принцип коэволюции природных и социальных процессов.

Наука – это уважительный вопрос Природе, но не ключ к Ее подчинению и нещадной эксплуатации. И здесь, как показывает опыт рождения и гибели цивилизаций, на первое место ставятся не столько усилия разума, сколько высота и красота души и духа человеческого. То есть еще раз подтверждается провидческая идея Николая Федоровича Федорова о «необходимости Духа править Природою» [Федоров 2008: 549].

Литература

- Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 6. Идиот. Л. : Наука, 1989.
- Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 9. Братья Карамазовы. Л. : Наука, 1991.
- Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 13. Дневник писателя. 1876 год. СПб. : Наука, 1994.
- Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Т. 15. Письма. СПб. : Наука, 1996.
- Кант И. Критика способности суждения. М. : Искусство, 1994.
- Мочульский К. В. Гоголь, Соловьев, Достоевский. М. : Республика, 1995.
- Платон. Соч.: в 4 т. Т. 2 / под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса; СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007.
- Свт. Григорий Нисский. О душе и воскресении. Диалог с сестрой Макриной [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigoriy_Nisskij/o_dushe_voskresenii/.
- Свт. Григорий Палама. Святитель Григорий Палама. Беседы (Омилии). Изд.: Паломник / Издание Братства преп. Иова Почаевского, 1993.
- Соловьев В. С. Красота в природе. Смысл любви. М. : Карамзин, 2018.
- Степин В. С. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегических развитий. М. : ИФ РАН, 2018.

Федоров Н. Ф. Собр. соч.: в 4 т. / сост., подгот. текста, коммент. А. Г. Гачевой, С. Г. Семеновой. М. : Прогресс, 1995.

Федоров Н. Ф. Философия общего дела. М. : Эксмо, 2008.

Юм Д. Соч.: в 2 т. Т. 1. Трактат о человеческой природе. Кн. 2. Об аффектах. Гл. 8. О красоте и безобразии. М. : Мысль, 1996.

Le Roy E. The Requirement Idealistic and the Fact of Evolution. Paris : Boivin, 1927.

Teilhard de Chardin P. The Phenomenon of Man. Paris : Editions of the Threshold, 1963.